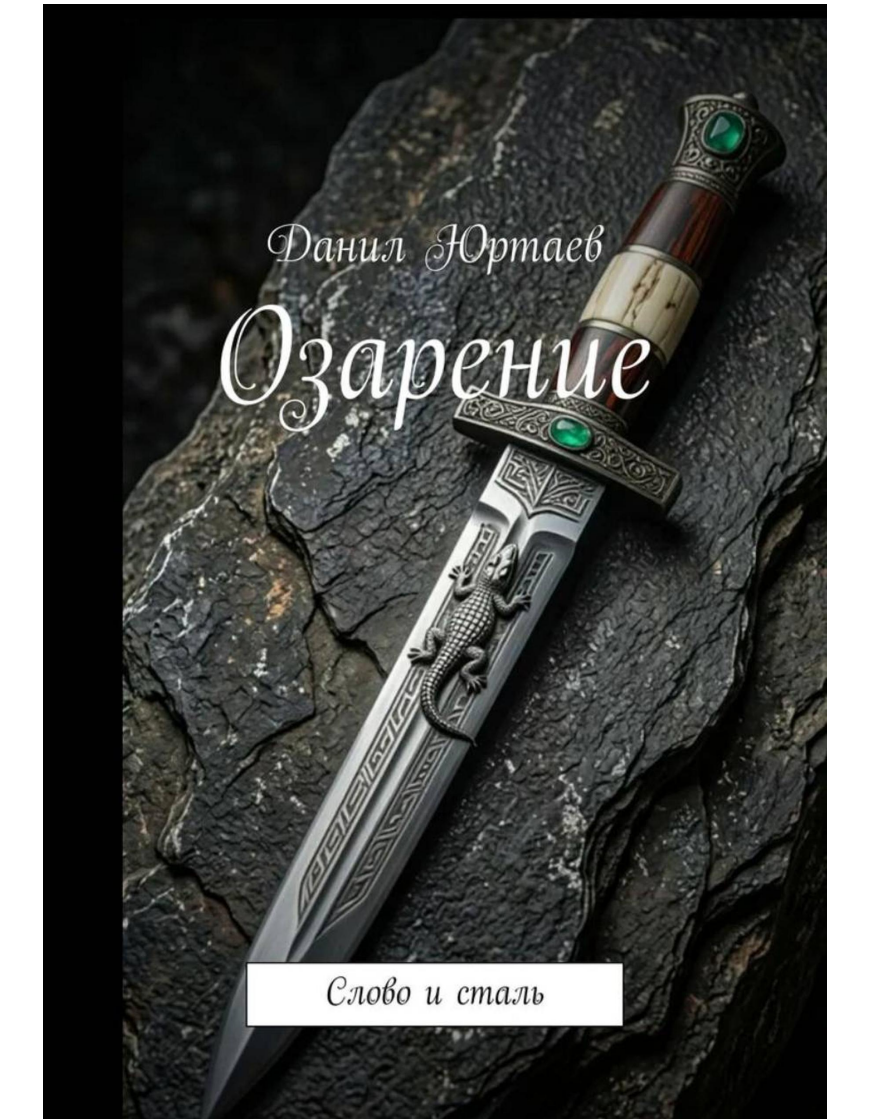

Данил Юртаев

Озарение

Слово и сталь

Данил Юртаев

Озарение: Слово и сталь

<https://litres.ru/74585508>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший крестьянин Эльм Грейсгардский, ставший бароном и королевским советником, создаёт печатный станок — и слово, тысячелетиями запертое в монастырях и канцеляриях, выходит на улицы. Азбуки, газеты, открытые споры: мир впервые учится читать. Но у каждого пробуждения есть враги. Герцог Вольфганг плетёт заговор, скупая краденую сталь и собирая вокруг себя тех, кто потерял власть. Папа Сильвестр решает не бороться с переменами — а возглавить их. Королева Изольда ищет союзников в тени трона. А в Грейсгарде уже дышит доменная печь, и сталь меняет не меньше, чем чернила. Фэнтези-роман о том, как знание становится оружием — и бьёт по всем сторонам сразу.

Данил Юртаев

Озарение: Слово и сталь

ОЗАРЕНИЕ

Книга вторая: Слово и сталь

Фэнтези-роман

Мир изменился один раз — когда крестьянин увидел свет. Теперь мир изменится второй раз — когда свет увидят все. Но у каждого изменения есть цена.

ПРОЛОГ

СЛОВО, КОТОРОЕ СТАЛО ВОЙСКОМ

[Третий лик]

Слово было старше меча. Оно родилось раньше, чем кто-нибудь догадался его высечь, — в нём уже жило всё, что человек хотел сказать другому человеку: «замёрзну — помоги», «уродилось — дели», «умру — помни». Потом человек высек слово в камне. Потом выцарапал на бересте. Потом выжег на коже. И каждый раз слово становилось чуть быстрее и чуть дальше, чем шаг человека, который его произнёс.

Но у слова был враг — рука. Пока слово жило только в руке писца, оно было рабом. Писец писал день — и к вечеру у него была одна книга. Десять дней — десять книг. Год — триста. И триста книг на десять тысяч человек — это тьма,

в которой свет горит в одном окне.

Пока — так было. Всякий, кто хотел владеть людьми, владел сначала словом: держал его в монастырях, в канцеляриях, в сундуках с печатями. Кого не пускали к слову — те не знали, что мир больше их деревни.

Но мир больше деревни. И это скоро узнают все.

Потому что в Грейсгарде крестьянин, который однажды увидел свет в ячменном поле, стоял над верстаком и смотрел на ящик с маленькими свинцовыми палочками — палочками с зеркальными буквами на конце.

Он держал одну на ладони. Она была тёплая — от руки.

— Одно слово, — сказал он вслух. — Тысяча копий. За один день.

Рагн, стоявший у двери, моргнул жёлтыми глазами.

— Это много слов.

— Это — конец тьмы, — сказал Эльм.

Он не знал, что слово, ставшее войском, бьёт по всем сторонам сразу — и по правым, и по неправым. Он узнает об этом позже. Как узнают все.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕРНИЛА

ГЛАВА 1. СТАНОК

[Первый лик — Эльм]

Я вернулся в Грейсгард из Аэтербурга и не спал ночь. Не от тревоги — от идей. Они шли во мне, как вода в половодье: их нельзя остановить, можно только направить.

Король Вильгельм Третий назначил меня советником. Королевство получило фонари, указ об отмене рабства, школу. Но я знал — и сказал королю, — что всё это не устоит, если люди будут узнавать о мире из слухов. Слух — это зерно, которое переехала телега: сколько ни сей, а полоса пустая. Люди верят тому, что читают, потому что читанное можно перечитать и проверить. А услышанное — можно и перевернуть.

Мне нужен был станок.

Я знал его не из озарения — из головы, где оно отложилось, как откладывается то, что видел слишком ясно. Пресс. Набор. Краска. Бумага. Четыре вещи, и ни одной из них у нас не было — но каждая была на расстоянии одного упрямства.

Пресс я сделал с Лютом. Лют строил винтовой пресс за восемь дней — винт резали на новом токарном устройстве, которое я собрал из колёсного привода мельницы. Токарный станок — вот что изменило всё: он позволял резать железо по кругу, ровно, как никогда не умели. Старый Фриц, глядя, как железная стружка выёсся со стального прута, сказал только: «Теперь нас не догонят». Он сказал это не как похвалу — как приговор всему, что жило до этого.

Набор сделал Рагн. Зверолюди — ловкие, терпеливые, с пальцами, которые в рабстве научились чувствовать цепь на вес золота, — вылили из свинца и олова две тысячи литер. Буквы стояли в кассе, как солдаты в строю: строгими рядами, зеркальные, одинаковой высоты. Рагн раскладывал их по строкам медленно, наизусть, и я понял, что он запомнил ал-

фавит быстрее любого ученика школы.

— У нас не было письменности, — сказал он, раскладывая первую строку. — У нас была память. Теперь память — не нужна?

— Нужна, — сказал я. — Теперь память — не груз. Теперь память — выбор.

Краска была проще всего: сажа с льняным маслом, растёртая в плотную чёрную массу. Бумага была сложнее. Тряпье, вода, известь, пресс — бумагу мы делали грязную, серую, волнами, но она держала чернила и не рвалась, и этого было достаточно.

Первая книга, которая вышла из нашего станка, была не молитвослов и не хроника. Это была азбука. Тридцать одна страница: буквы, слоги, слова, счёт до ста. Тираж — двести экземпляров. Двести азбук — по одной на каждый двор Грейсгарда и ещё на соседние деревни.

Я держал первый лист в руках и думал о том, что говорил мне отец, когда учил считать на складе барона: «Записанное — не умирает. Держи записанное, сын. Записанное — против тебя или за тебя».

Теперь записанное держало его за меня.

[Третий лик]

Азбука дошла до Милбрука к осени. Деревня, в которой сорок лет назад родился мальчик, чей отец был повешен за меру ячменя, училась читать всей деревней — старики по вечерам, дети по утрам, женщины в очередь к тому, кто умел

первым.

Первым умел, как ни странно, староста Ува — он выучился за месяц, скрипя зубами, потому что сын его, Лют, не мог ни говорить, ни читать с рождения, и Ува поклялся читать за двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.